

Максим Горький и идеи его новых героев

(Критический этюд)

Максим Горький: *pro et contra* / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997. -- (Русский путь).

OCR Бычков М. Н.

I

Немногим из писателей-беллетристов удавалось завоевать себе общественное внимание так быстро, как Максиму Горькому. Быть может, он достиг этого, приспособляясь к вкусам толпы? Наоборот: все, что до сих пор вышло из-под его пера, должно бы скорее отталкивать "большую публику", чем привлекать к нему: в его произведениях множество теоретических разговоров, чего "большая публика" не любит; герои его первых этюдов грязны, пьяны и принадлежат к подонкам общества, неинтересным "большой публике", любящей, хотя бы в воображении, пожить жизнью и сентиментами князей, графов... У Горького нет и мелочной изящной отделки деталей, излюбленной "большой публикой", которая в этом отношении избалована новейшими беллетристами. Наоборот, его художественные приемы напоминают отчасти; приемы Репина в живописи, с тою, однако, разницей, что Репин, бросая на свои картины и портреты огромные, аляповатые, мазки, руководится (я смею это думать) больше теорией, чем внутренней потребностью, а у Горького это -- результат огромного внутреннего чувства, мучительного искания "правды жизни", которое не дает ему задуматься ни на минуту о деталях, о форме, о приемах. Его краски, эпитеты, слова вырываются сами собою, без его ведома, из сердца, измученного "сутолкой и буреломом", безобразиями и "теснотой жизни", -- как вырываются вопли из груди раненного. И в этом их страшная сила. Отнимите у них эту непосредственность, эту железную грубость и раскаленность, и у нас был бы обыкновенный художник, а не Максим Горький, бьющий по сердцу, как молотом, вызывающий бурю, мыслей и настроений.

В этом, т. е. в страстности его "исканий" -- его сила, его оригинальность и его власть над толпой, -- конечно, не считая крупного таланта наблюдателя и психолога.

Для иллюстрации этой мысли, позвольте мне привести сделанное Горьким описание душевного состояния одного из самых интересных его героев, Фомы Гордеева. Это -- молодой богач из купеческого сословия, с огромным умом и сердцем, но совершенно не культивированный. Когда он думал о жизни людей (а думал он о ней постоянно, неотступно, это была его *idée fixe* {навязчивая идея (фр.). -- *Ред.*}), эта жизнь представлялась ему в виде "темной толпы людей, неисчислимо большой и даже страшной огромностью своей. Столпившаяся где-то в котловине, окруженной буграми и полной пыльного тумана, эта толпа в смутном смятении толкалась на одном и том же месте и была похожа на зерно в ковше мельницы. Как будто невидимый жернов, скрытый под ногами, молот ее, и люди волнообразно двигались над ним, не то стремясь вниз, чтобы там скорее быть смолотыми и исчезнуть, не то вырываясь вверх, в стремлении избежать безжалостного жернова... Шум, вой, смех, пьяные крики, азартный спор о копейках, песни и плач, носятся над этой огромной, суеливой кучей живых человеческих тел, стесненных в яме; они прыгают, падают, ползают, давят друг друга, вспрыгивают на плечи друг другу, суются всюду, как слепые, всюду наталкиваются на подобных себе, борются и, падая, исчезают из глаз. Шелестят деньги, носятся, как летучие мыши над головами людей, а люди жадно простирают к ним руки"... и т. д., и т. д.

Когда жизнь представляется в таком виде, то из груди сами собою рвутся вопли и крики у того, кто стоит вверху, в стороне, и видит все, и хочет, и не может остановить эту свалку. Так и было с Фомой Гордеевым, и так, смею думать, чувствует сам автор.

"В груди его (Фомы) возникало что-то хаотическое, одно большое, неопределенное чувство, в которое, как ручьи в реку, вливались и страх, и возмущение, и жалость, и злоба, и еще многое. Все это вскипало в груди до напряженного желания, расширявшего ее, -- до желания, от силы которого он задыхался, на глазах его являлись слезы и ему хотелось кричать, быть зверем, испугать всех людей -- остановить их бессмысленную возню, влить в шум и суету их жизни что-то новое, свое, сказать им какие-то громкие, твердые слова (*NB*), направив их всех в одну сторону, а не друг против друга. Ему хотелось хватать их руками за головы, отрывая друг от друга"... и т. д.

Но тут новая мука: "Он чувствовал, что как бы громко и могуче ни крикнул им: "Как живете? Не стыдно ли?" -- они могут и должны ответить вопросом: "А как нужно жить?" Он прекрасно понимал, что